
БЫЛОЕ

СОВЕТСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ НА IV МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ПО ГЕНЕТИКЕ ЧЕЛОВЕКА В ПАРИЖЕ В 1971 ГОДУ

© 2024 г. С.В. Шалимов^{а,*}

^аИнститут истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия

*E-mail: sshal85@mail.ru

Поступила в редакцию 25.07.2024 г.

После доработки 24.08.2024 г.

Принята к публикации 30.08.2024 г.

Статья посвящена участию советских учёных в IV Международном конгрессе по генетике человека, который проводился в Париже в 1971 г. Это событие анализируется в контексте развития советско-французских научных отношений. Приводятся выдержки из отчётов известных отечественных генетиков, отражающие как уровень научного мероприятия, так и состояние зарубежной науки. Упомянуты нереализованная инициатива Н.П. Дубинина по проведению конгресса в Москве и форум в Мехико в 1976 г. Несмотря на малочисленный состав делегации, представители СССР избирались в оргкомитеты обоих конгрессов. Можно с уверенностью заявить, что поездка во Францию сыграла важную роль в развитии генетики человека в СССР, а также стимулировала исследования по цитогенетике, которые стали более масштабными и системными.

Ключевые слова: история генетики, генетика человека, международные научные связи, международные научные конгрессы, Н.П. Дубинин, Н.П. Бочков, “железный занавес”, Франция.

DOI: 10.31857/S0869587324110093, **EDN:** SEJKPL

Расширение международного сотрудничества стало важным этапом возрождения генетики в СССР. Об этом говорилось в постановлении Президиума АН СССР от 25 декабря 1964 г. “О развитии в Академии наук научно-исследовательских работ в области генетики” [1]. Однако налаживанию контактов с мировым научным сообществом препятствовали холодная война и различные бюрократические препоны. Как известно, “советизация” российской науки привела к тому, что она была отрезана от стран Запада “железным занавесом”, и взаимодействие отечественных учёных с мировой

наукой фактически сошло на нет [2, с. 11]. Действительно, по сравнению со свободным выездом за рубеж учёных в дореволюционной России, контакты советских исследователей были весьма ограничены. Начиная с середины 1930-х годов международное сотрудничество угасало, и в дальнейшем выезды за границу, как правило, были доступны только научной элите и “проверенным” учёным [3, с. 62–68].

В связи с этим особый интерес вызывает общение отечественных генетиков с иностранными коллегами. Помимо проблем, осложнявших международное сотрудничество, положение генетики усугубляла длительная опала после августовской сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (31 июля – 7 августа 1948 г.) [4–9], когда доминировала так называемая “мичуринская агробиология” – лженаучное направление в биологии, которое продвигал Т.Д. Лысенко (отметим, что к И.В. Мичурину оно не имело никакого отношения). Принятое на сессии постановление повлекло за собой катастрофические последствия: классическая генетика оказалась под запретом, а учёные подвергались преследованию. Процесс преодоления “лысенковщины” был бы невозможен без тесного взаимодействия с представителями зарубежной научной общественности,

ШАЛИМОВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИИЕТ РАН.

добившимися заметных успехов, в то время как советская генетика пребывала в упадке.

Одним из направлений развития международных отношений были поездки на зарубежные конференции и генетические конгрессы. Так, в 1965 г. состоялся первый массовый выезд на юбилейную конференцию в Брно (Чехословакия), посвящённую 100-летию выхода в свет труда Г. Менделя “Опыты над растительными гибридами”. В 1967 г. ведущим советским учёным поступило приглашение от Национальной академии США для ознакомления с работой лучших американских исследовательских центров в области генетики. По-настоящему знаковым событием стало участие нашей делегации в XII Международном генетическом конгрессе (МГК), проходившем в 1968 г. в Токио. В свою очередь, XIV МГК, организованный в 1978 г. в Москве, воспринимался как яркое свидетельство возрождения генетики в СССР.

В сентябре 1971 г. отечественная делегация приняла участие в IV Международном конгрессе по генетике человека в Париже. Рассматриваемый эпизод из истории зарубежных научных контактов интересен ещё и тем, что был связан с начавшимся в то время процессом идеологизации советской генетики человека [10]. В эти же годы шла известная дискуссия между Н.П. Дубининым¹ и Д.К. Беляевым² по проблеме “природа—воспитание”³. При этом в США и Европе в 1960-е и 1970-е годы широкое распространение получила медицинская генетика [14, с. 290].

Николай Петрович Дубинин (1907–1998)
Фотография из фондов Мемориального кабинета-музея им. Н.И. Вавилова ИОГен РАН

¹ Николай Петрович Дубинин (1907–1998) — генетик, академик АН СССР, организатор и первый директор Института цитологии и генетики СО АН СССР (1957–1959), директор Института общей генетики АН СССР (1966–1981), Герой Социалистического Труда (1990). С его биографией можно ознакомиться в книге [11].

² Дмитрий Константинович Беляев (1917–1985) — генетик, специалист в области общей биологии, генетики, теории эволюции и селекции животных, академик АН СССР (1972). Возглавлял Институт цитологии и генетики СО АН СССР с 1959 по 1985 г. Член президиума (1966–1985) и заместитель председателя Президиума СО АН СССР (1976–1985), председатель Сибирского отделения Всесоюзного общества генетиков и селекционеров им. Н.И. Вавилова (1967–1977), председатель Научного совета по проблемам генетики и селекции АН СССР (1968–1985), президент Международной генетической федерации (1978–1983). Подробнее о нём см. в [12].

³ В дискуссии “природа—воспитание”, касающейся генетики человека и ставшей яблоком раздора для двух крупных советских генетиков, видимо, имело место сложное сочетание борьбы за лидерство и идеологических моментов. По этому поводу в воспоминаниях супруги Д.К. Беляева С.В. Аргутинской говорится: “Дубинин считал, что духовное содержание человека относится к его надбиологической сфере, которая не записана в генах. Отвечая Н.П. Дубинину, ДК отмечал, что человек не исключён из сферы генетической детерминации, люди неодинаковы в потенциальных возможностях психики и интеллекта. Они различны уже при рождении, поскольку фундаментальные законы наследственности едины для всего живого, включая и человека” [13, с. 63].

Важно и место проведения конгресса — Франция, отношения с которой стояли особняком по сравнению с другими западными странами. Для отечественных учёных Франция на протяжении длительного времени была своего рода меккой в науке, куда стремились попасть на стажировку выпускники императорских университетов, а затем и советские специалисты [15, с. 4]. В эпоху СССР экономическое, культурное и научное взаимодействие между двумя великими державами было достаточно успешным, несмотря на идеологическую несовместимость и существенные противоречия по ряду вопросов. В то же время страны неоднократно оказывались в противоборствующих коалициях и переживали этапы отчуждения (накануне Второй мировой войны, в период послевоенного раскола Европы, во время советской интервенции в Афганистан) [16].

Как вспоминал известный учёный и организатор науки Дж.М. Гвишиани⁴, Франция была «одной из первых западных стран, которая в период

⁴ Джермен Михайлович Гвишиани (1928–2003) — доктор философских наук, академик РАН. В 1965–1985 гг. работал в Государственном комитете по науке и технике СССР. Директор Всесоюзного научно-исследовательского института системных исследований (1976–1992) (ныне — Институт системного анализа РАН), заместитель председателя Госплана СССР (1985–1986).

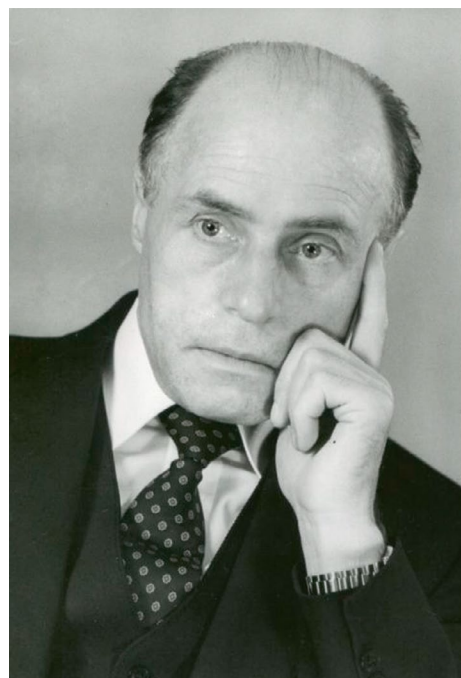

Дмитрий Константинович Беляев (1917–1985)
Фотография из фондов Мемориального кабинета-музея им. Н.И. Вавилова ИОГен РАН

продолжающейся “холодной войны” вступила на путь контактов и сотрудничества с Советским Союзом» [17, с. 41]. Начиная со второй половины 1960-х годов советско-французские научно-технические связи стремительно развивались и охватывали различные сферы. В 1970–1980-х годах продолжалось продуктивное взаимодействие учёных обеих стран [18, с. 162, 183, 226]. Этот факт подтверждает ряд документов. Так, в 1970 г. в отчёте Управления внешних сношений АН СССР констатировалось, что Франция лидировала по количеству научных обменов среди других капиталистических стран [19]. В аналогичном отчёте за 1972 г. отмечалось “вполне удовлетворительное” состояние научных связей с Францией. Также говорилось, что в системе АН СССР сотрудничество с французскими коллегами занимает одно из первых мест по научным обменам и разработке отдельных проблем по сравнению с остальными капиталистическими странами [20].

В состав советской делегации вошли такие известные учёные, как Н.П. Дубинин, Н.П. Бочков⁵

⁵ Николай Павлович Бочков (1931–2011) — медицинский генетик, академик АМН СССР / РАМН, организатор и первый директор Института медицинской генетики АМН СССР (1969–1989), вице-президент РАМН (1995–2006), лауреат Государственных премий СССР и РФ по науке и технике (1983 и 1998 гг.).

Николай Павлович Бочков (1931–2011)
Фотография из книги “Н.П. Бочков в воспоминаниях коллег и друзей” (под ред. И.Н. Волочук, Е.С. Ворониной. М., 2016)

и Ю.Я. Керкис⁶. IV Международный конгресс был очень важен для отечественной генетики человека, так как в ходе его работы обсуждалась и была принята единая номенклатура хромосом человека. Это дало мощный импульс для развития цитогенетики в СССР.

В журнале “Journal of Medical Genetics” был опубликован анонс предстоящего мероприятия: «IV Международный конгресс по генетике человека пройдёт в Париже с 6 по 11 сентября 1971 г. Утренние заседания будут посвящены симпозиумам, на которых выступят трое докладчиков. После каждого симпозиума состоится дискуссия. Также запланированы “круглые столы” по некоторым темам. Официальными языками конгресса будут английский и французский» [22, с. 126].

Как отмечал в своем отчёте руководитель советской делегации Н.П. Дубинин, в конгрессе приняли участие более 1400 человек, представлявших более 50 стран, в том числе США (429 человек), Великобританию (150), Францию (146), Германию (76),

⁶ Юлий Яковлевич Керкис (1907–1977) — генетик, специалист в области радиобиологии, доктор биологических наук, профессор. В 1930–1941 г. — научный сотрудник Института генетики АН СССР. С 1941 по 1957 г. работал в животноводческих совхозах Таджикской ССР. С 1957 г. и до конца своей жизни работал в Институте цитологии и генетики СО АН СССР, где с 1958 г. возглавлял лабораторию радиационной генетики [21].

Юлий Яковлевич Керкис (1907–1977)
Фотография из фондов Мемориального кабинета-музея им. Н.И. Вавилова ИОГен РАН

Канаду (70) и Нидерланды (70) [23, с. 3–4, 27–28]. В тезисах опубликовано 741 сообщение. От Советского Союза было заявлено 37 докладов, в делегацию вошли 20 человек, которые сделали 13 сообщений. Доклад самого Дубинина “Генетика и будущее человечества” прозвучал на последнем симпозиуме, который фактически стал заключительным пленарным заседанием. В докладе была сформулирована теория о соотношении социальной и генетической программ при развитии личности человека. Дубинин обосновал идею о практической неисчерпаемости генетического потенциала человечества, на фоне которого главную роль играют социальные факторы. Член-корреспондент АМН СССР Н.П. Бочков зачитал доклад на тему “Проблема экстраполяции на человека данных, полученных на животных”. Остальные 11 выступлений состоялись на секционных заседаниях.

Интересные сведения о работе конгресса содержатся в отчёте другого известного учёного — Ю.Я. Керкиса. Он отмечал, что рабочими языками были английский и французский. На всех заседаниях симпозиумов и круглых столов был организован синхронный перевод с английского на французский и наоборот. Кстати, в отчёте Керкиса данные об участниках немного отличаются от тех, что приводит Дубинин: он пишет, что СССР представляли 19 человек, Великобританию — 144, Германию — 82.

Керкис говорил и о недостатках в организации конгресса. В частности, пленарные заседания, круглые столы и симпозиумы проходили в просторных аудиториях — амфитеатрах, а секционные — в очень маленьких, неудобных и душных комнатах на третьем и пятом этажах здания с недействующими лифтами. Кроме того, он писал о недостаточно строгом соблюдении регламента выступлений: допускались изменения в порядке выступлений, не выдерживались интервалы в случае отсутствия некоторых докладчиков. Всё это очень затрудняло посещение докладов в разных аудиториях.

Наряду с участием в заседаниях, советские участники имели возможность посетить французские лаборатории. Вот как их описывал Ю.Я. Керкис: “Лаборатории, которые мы видели, производят очень благоприятное впечатление чистотой и незахламлённостью лишними предметами. С тканевыми культурами работают без боксов или в отдельных случаях с настольными боксами”. Он отмечает, что в нескольких известных цитогенетических лабораториях штат состоит “из 2–3 научных ассистентов и 3–4 технических лаборантов. Большая часть посуды одноразового употребления и получается от фирм в готовом для употребления виде. Мытьём и стерилизацией в лабораториях не занимаются... На очень высоком техническом уровне находится документация материалов” [24, с. 5–6, 24–25].

Обратимся к отчёту старшего научного сотрудника Сектора молекулярной биологии и генетики АН УССР Т.И. Бужиевской. Она описывает одну из лабораторий медицинского факультета Парижского университета: “Особого внимания заслуживает обеспечение лаборатории новейшими люминесцентными и биологическими микроскопами западного производства”. Также она обратила внимание на компактные холодильники с удобными контейнерами. В заключение Бужиевская писала: “Информация, полученная на конгрессе и при посещении ряда цитогенетических лабораторий Франции обширна, очень полезна и подтверждает необходимость дальнейшего развития цитогенетики в нашей стране и, в частности, на Украине, неотложность создания крупных цитогенетических лабораторий и Института молекулярной генетики, оснащённых новейшим оборудованием и реактивами” [25, с. 6, 7].

Н.П. Дубинин высоко оценил результаты участия советских учёных в конгрессе. По его мнению, “ознакомление членов советской делегации с успехами, непосредственный контакт со многими учёными — ценный материал для развития в нашей стране исследований по генетике человека”. Он также обращал внимание на то, что “на конгрессе был выявлен ряд новых перспективных направлений в зарубежной науке”, развитие которых “хорошо финансируется и обеспечено кадрами, особенно в США, Англии, Японии и Франции” [23, с. 24–25].

Следует отметить, что Н.П. Дубинин был избран в состав Оргкомитета следующего конгресса и отправил ряд писем, касающихся возможности проведения его в СССР. Так, в обращении к академику-секретарю Отделения общей биологии АН СССР Я.В. Пейве, он писал: “На первом заседании вновь избранного Оргкомитета вопросом № 1 был выбор страны, где проводить очередной V конгресс. По этому вопросу выступил президент профессор М. Лами, который обратился к члену нового Оргкомитета, директору Института общей генетики АН СССР академику Н.П. Дубинину с заявлением о желательности проведения V Международного конгресса по генетике человека в СССР. Это предложение было единодушно поддержано всем составом Оргкомитета. Профессор М. Лами указал, что ответ на этот вопрос желательно получить к 1 ноября 1971 года”. Далее Дубинин объяснял, почему так важно проведение подобного мероприятия в СССР и какие для этого есть ресурсы: “Проведение конгресса в СССР в 1976 году крайне желательно, так как это будет способствовать развитию исследований по генетике человека в нашей стране, увеличению возможности подготовки советских специалистов за рубежом, росту авторитета советской науки” [26, л. 21].

Из письма вице-президенту АН СССР А.Н. Белозерскому: “Международные конгрессы по генетике человека, созываемые каждые пять лет, являются высшим форумом учёных мира, занимающихся проблемами генетики человека и медицинской генетики. Предыдущие конгрессы созывались в Гааге (1956), Риме (1961), Чикаго (1966) и Париже (1971). Проведение конгресса в нашей стране имело бы важное значение для развития советской общей и медицинской генетики как в ближайшие 5 лет, так и в последующем. В ходе подготовки и проведения конгресса создадутся исключительные возможности для налаживания новых и расширения уже имеющихся научных связей с зарубежными генетиками, для обогащения наших учёных и широкого круга врачей последними достижениями в области генетики человека. Созыв конгресса в Москве неизбежно означал бы резкое повышение авторитета советской генетики за рубежом, способствовал бы её ещё большему выходу на международную арену. Одновременно это мероприятие имеет важное политическое значение, способствуя усилению влияния нашей науки на зарубежную, в частности, в странах Европы”. Говоря о необходимых ресурсах, Дубинин утверждал: “В Москве имеются: Институт общей генетики АН СССР, Институт медицинской генетики АМН СССР и ряд других институтов, в которых есть генетические отделы и лаборатории. Эти институты и лаборатории располагают достаточно квалифицированными кадрами, которые смогут обеспечить подготовку и проведение конгресса на высоком организационном уровне” [27, л. 17–18].

Письмо аналогичного содержания Н.П. Дубинин адресовал министру здравоохранения СССР Б.В. Петровскому: “Проведение конгресса по генетике человека исключительно важно в свете актуальнейших задач борьбы с наследственными заболеваниями, развития медицинской генетики и для разработки общих биологических основ современной медицины. Все эти вопросы стоят перед нашей наукой, в первую очередь они находятся в сфере внимания Министерства здравоохранения СССР и Академии медицинских наук СССР” [28, л. 29].

К сожалению, несмотря на все усилия, Международный конгресс по генетике человека в 1976 г. прошёл не в СССР, а в Мексике (Мехико, 10–15 октября 1976 г.). Вопрос о причинах, по которым Н.П. Дубинину не удалось реализовать свой замысел, требует дальнейшего исследования. Если говорить о V конгрессе, сошлёмся на имеющийся в нашем распоряжении отчёт одной из его участниц — заведующей лабораторией генетического мониторинга и прогнозирования Института общей генетики им. Н.И. Вавилова АН СССР кандидата биологических наук Р.И. Хильчевской. Бросается в глаза малое число участников от СССР, что не вяжется с грандиозными планами по проведению конгресса в Москве. Хильчевская писала: “Участие советской делегации в работе конгресса по генетике человека имеет большое представительское значение и как источник получения новейшей информации. Состав нашей делегации был невелик (Н.П. Бочков, Н.П. Дубинин, Н.В. Лучник, Р.И. Хильчевская). Необходимо участие более представительной делегации в будущем конгрессе 1980 года. Вопросы, поднимаемые на конгрессе в чисто научной академической форме, на самом деле имеют важнейший аспект для социальной жизни человека” [29, л. 18].

“Работа конгресса по генетике человека показала, что исследовательская работа в СССР по этой проблеме страдает рядом недостатков. Они касаются малого использования ряда методических приёмов. В этом отношении можно указать на недостаточность работ по гибридизации клеток, малое использование техники индивидуализации хромосом человека по их поперечной исчерченности, иммуногенетические методы при анализе взаимодействия клеток, молекулярной генетики гемоглобинов и т.д. Отсутствует необходимая работа по ряду направлений, таких как экогенетика, мало работ по проблемам — генетика и канцерогенез, сцепление генов у человека, по генетике умственной отсталости и другим. Большим недостатком организации исследований является отсутствие центра по разработке фундаментальных проблем генетики человека. Для исправления положения в настоящее время начата организация лаборатории генетики человека в Институте общей генетики АН СССР” [30, л. 19]. Тем не менее в состав постоянного Комитета по международным конгрессам по генетике человека удалось войти и советскому учёному — Н.П. Боч-

кову, чью кандидатуру предложил на своё место Н.П. Дубинин при замене части членов комитета [31, л. 18].

Можно с уверенностью констатировать, что поездка советских генетиков на IV Международный конгресс по генетике человека была весьма удачной. Несмотря на то, что делегация была немногочисленной, тот факт, что Н.П. Дубинин вошёл в Оргкомитет V конгресса и что западные коллеги поддерживали проведения мероприятия в СССР, красноречиво свидетельствует об отношении к нам зарубежных учёных. Не исключено, что данное предложение было своего рода жестом доброй воли по отношению к советским генетикам, пережившим “лысенковщину”. Вместе с тем участие в конгрессе позволило познакомиться с новыми направлениями в науке, посетить французские лаборатории, что, несомненно, способствовало развитию генетики в нашей стране. Большое значение имело принятие единой номенклатуры хромосом человека, благодаря чему исследования в области цитогенетики стали носить более масштабный и системный характер.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00564).

ЛИТЕРАТУРА

1. АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 504. Л. 55.
ARAS. F. 2. Op. 6. D. 504. L. 55. (In Russ.)
2. За “железным занавесом”: мифы и реалии советской науки / Под ред. М. Хайнеманна, Э.И. Колчинского. СПб: Дмитрий Буланин, 2002.
Behind the Iron Curtain: Myths and Realities of Soviet Science / Ed. by M. Heinemann, E.I. Kolchinsky. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2002. (In Russ.)
3. Ащеулова Н.А., Душина С.А. Мобильная наука в глобальном мире. СПб: Нестор-История, 2014.
Ascheulova N.A., Dushina S.A. Mobile science in the global world. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. (In Russ.)
4. Joravsky D. The Lysenko Affair. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1970.
5. Krementsov N. Stalinist Science. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1997.
6. Сойфер В.Н. Власть и наука. Разгром коммунистами генетики в СССР. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЧеРо, 2002.
Soifer V.N. Power and science. The defeat of genetics by the Communists in the USSR. 4th ed., reprint. and add. Moscow: CheRo, 2002. (In Russ.)
7. Roll-Hansen N. The Lysenko effect: the politics of science. N.Y.: Humanity books, 2006.
8. Pringle P. The Murder of Nikolai Vavilov. The Story of Stalin's Persecution of One of Great Scientists of the 20th Century. N.Y.: Simon & Schuster, 2008.
9. Stanchevici D. Stalinist genetics: the constitutional rhetoric of T.D. Lysenko. N.Y.: Baywood Publishing Company, Inc., 2012.
10. Фандо Р.А. Становление отечественной генетики человека: на перекрёстке науки и политики. М.: МАКС Пресс, 2013.
Fando R.A. The formation of Russian human genetics: at the crossroads of science and politics. Moscow: MAKs Press, 2013. (In Russ.)
11. Николай Петрович Дубинин и XX век. Современники о жизни и деятельности. Письма, материалы, воспоминания. К 100-летию со дня рождения / Сост. Л.Г. Дубинина, И.Н. Овчинникова; отв. ред. А.А. Жученко, Л.К. Эрнст. М.: Наука, 2006.
Nikolai Petrovich Dubinin and the twentieth century. Contemporaries on life and work. Letters, materials, memoirs. To the 100th anniversary of his birth / Comp. L.G. Dubinina, I.N. Ovchinnikova; ed. by A.A. Zhuchenko, L.K. Ernst. Moscow: Nauka, 2006. (In Russ.)
12. Дмитрий Константинович Беляев: Книга воспоминаний / Отв. ред. В.К. Шумный и др. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал “Гео”, 2002.
Dmitry Konstantinovich Belyaev: A Book of memories / Ed. by V.K. Shumny et al. Novosibirsk: Publishing House of SB RAS, “Geo” branch, 2002. (In Russ.)
13. Аргутинская С.В. Дима // Дмитрий Константинович Беляев: Книга воспоминаний / Отв. ред. В.К. Шумный и др. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал “Гео”, 2002. С. 5–71.
Argutinskaya S.V. Dima // Dmitry Konstantinovich Belyaev: A book of memories / Ed. by V.K. Shumny et al. Novosibirsk: Publishing House of SB RAS, “Geo” branch, 2002. Pp. 5–71. (In Russ.)
14. Harper P. A Short History of Medical Genetics. Oxford: Oxford University Press, 2008.
15. Фандо Р.А. Советско-французские научные связи (1920–1930-е гг.). М.: Янус-К, 2023.
Fando R.A. Soviet-French scientific relations (1920–1930). Moscow: Janus-K, 2023. (In Russ.)
16. Черкасов П.П. Россия и Франция: 300 лет совместной истории // Экономические стратегии. 2010. № 6. С. 6–15.
Cherkasov P.P. Russia and France: 300 years of joint history // Economic strategies. 2010, no. 6, pp. 6–15. (In Russ.)
17. Гвишиани Дж.М. Мосты в будущее. М.: Едиториал УРСС, 2004.
Gvishiani J.M. Bridges to the future. Moscow: Editorial URSS, 2004. (In Russ.)

18. *Борисов Ю.В.* СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений. М.: Международные отношения, 1984.
BorISOV Yu. V. USSR and France: 60 years of diplomatic relations. Moscow: International Relations, 1984. (In Russ.)
19. АРАН. Ф. 579. Оп. 13. Д. 95. Л. 2.
ARAS. F. 579. Op. 13. D. 95. L. 2. (In Russ.)
20. АРАН. Ф. 579. Оп. 13. Д. 95. Л. 49–50.
ARAS. F. 579. Op. 13. D. 95. L. 49–50. (In Russ.)
21. *Лебедева Л.И., Захаров И.К.* Жизнь есть подвиг: к 100-летию со дня рождения генетика, профессора Юлия Яковлевича Керкиса (1907–1977) // Информационный вестник ВОГиС. 2007. № 1. С. 16–38.
Lebedeva L.I., Zakharov I.K. Life is a feat: to the 100th anniversary of the birth of geneticist, Professor Yuliy Yakovlevich Kerkis (1907–1977) // Information Bulletin of VOGiS. 2007, no. 1, pp. 16–38. (In Russ.)
22. Congress on Human Genetics // Journal of Medical Genetics. 1970, vol. 8, no. 1, p. 126.
23. *Дубинин Н.П.* Отчёт о командировке во Францию. М.: АН СССР, Всесоюз. ин-т науч. и техн. информации, 1972.
DubinIN N.P. Report on a business trip to France. Moscow: USSR Academy of Sciences, The All-Union. in-t scientific. and tech. information, 1972. (In Russ.)
24. *Керкис Ю.Я.* Отчёт о командировке во Францию. М.: АН СССР, Всесоюз. ин-т науч. и техн. информации, 1972.
KerkIS Yu. Ya. Report on a business trip to France. Moscow: USSR Academy of Sciences, The All-Union. in-t scientific. and tech. information, 1972. (In Russ.)
25. *Бужиевская Т.И.* Отчёт о командировке во Францию. М.: АН СССР. Всесоюз. ин-т науч. и техн. информации, 1972.
BuzhIEvskaya T.I. Report on a business trip to France. Moscow: USSR Academy of Sciences, The All-Union. in-t scientific. and tech. information, 1972. (In Russ.)
26. АРАН. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 94. Л. 21.
ARAS. F. 1859. Op. 1. D. 94. L. 21. (In Russ.)
27. АРАН. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 94. Л. 17–18.
ARAS. F. 1859. Op. 1. D. 94. L. 17–18. (In Russ.)
28. АРАН. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 94. Л. 29.
ARAS. F. 1859. Op. 1. D. 94. L. 29. (In Russ.)
29. АРАН. Ф. 1859. Оп. 2. Д. 857. Л. 18.
ARAS. F. 1859. Op. 2. D. 857. L. 18. (In Russ.)
30. АРАН. Ф. 1859. Оп. 2. Д. 857. Л. 19.
ARAS. F. 1859. Op. 2. D. 857. L. 19. (In Russ.)
31. АРАН. Ф. 1859. Оп. 2. Д. 857. Л. 18.
ARAS. F. 1859. Op. 2. D. 857. L. 18. (In Russ.)

THE SOVIET DELEGATION AT THE IV INTERNATIONAL CONGRESS ON HUMAN GENETICS IN PARIS IN 1971

S.V. Shalimov^{a,*}

^a*S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

^{*}*E-mail: sshal85@mail.ru*

The article is devoted to the participation of Soviet scientists in the IV International Congress on Human Genetics, which was held in Paris in 1971. This event is analyzed in the context of the development of Soviet-French scientific relations. Excerpts from reports of well-known domestic geneticists are given, reflecting both the level of scientific activity and the state of foreign science. The unrealized initiative of N.P. Dubinin to hold a congress in Moscow and a forum in Mexico City in 1976 are mentioned. Despite the small number of the delegation, representatives of the USSR were elected to the organizing committee of both congresses. It is safe to say that the trip to France played an important role in the development of human genetics in the USSR, and also stimulated research on cytogenetics, which became more extensive and systematic.

Keywords: the history of genetics, human genetics, international scientific links, international scientific congresses, N.P. Dubinin, N.P. Bochkov, Iron Curtain, France.